

еліт сучасного українського суспільства // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 1999. – №4. – С. 5–28.

2. Геець В. Ліберально-демократичні засади: курс на модернізацію країни // Економіка України. – 2010. – №3. – С. 4–20.

3. Пыкина Т. Бедность как фактор и его влияние на социальную структуру современного российского общества // Вестник Бурятского гос. ун-та. Сер. Философия, социология, политология, культурология. – 2011. – №14а. – С. 139–142.

4. Губин В. Русская культура и феномен насилия // Вопросы философии. – 1995. – №5. – С. 4–5.

5. Степико М. Буття етносу: витоки, сучасність, перспективи (філософсько-методологічний аналіз). – Київ: Знання, 1998. – 251 с.

6. Железний Р. Про причини, наслідки та... надію // Католицький вісник. – 2011. – №22(523). – С. 2.

7. Федотова В. Человек в экономических теориях; пределы онтологизации // Вопросы философии. – 2007. – №9. – С. 20–31.

8. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.

9. Судаков В. Праця як нормативно організований соціальний процес та форма спеціалізованої ігрової діяльності // Актуальні проблеми соціології, психології, педагогіки: збірник наукових праць. – Київ: Фенікс, 2010. – №10. – С. 6–11.

10. Сапір Жак. Україна: «Невидима рука» економічного занепаду (тези про недовість сучасних стратегій перехідного періоду // Політична думка. – 2000. – №1. – С. 65–77.

11. Інформація до роздумів // Голос України. – 2013. – 31 мая. – С. 10.

12. Жукова Е. Специфика профессиональной адаптации человека постиндустриального общества // Вестник Том-

ского государственного педагогического университета. Сер. Философия, история. – 1999. – №1(10). – С. 38–42.

13. Пахльовська О. Горизонт темряви. Площа шахів, або ж модель європейського часу // Український тиждень. – 2011. – 8–14 апреля. – С. 52–53.

14. Грант з Японії. Світовий банк підтримує структурні реформи в Україні // День. – 2006. – 26 октября. – С. 5.

15. Шевчук П. Соціальна політика. – Львів: Світ, 2005. – 400 с.

16. Сухий Я. Закон «Про зайнятість населення», перші уроки // Голос України. – 2013. – 4 июля. – С. 4.

17. Левцун О. Зовнішня трудова міграція в Україні як демографічна проблема [Електронний ресурс]. – URL: <http://dialogs.org.ua/ru/material/full/2/4040>.

18. Суббота. – 2004. – 25 марта. – С. 1.

19. Барматова С. Национальная идея в Украине: средство интеграции или основа политического раскола общества // Україна в пошуках себе: національна ідея, проблеми розвитку: збірник матеріалів експертів Всеукр. експерт. мережі / упоряд. О. Судакова. – Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2007. – С. 125–133.

20. Степаненко В. Соціологічна концепція громадянського суспільства в пострадянському контексті // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2000. – №3. – С. 5–20.

Сухачев Станислав Акимович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Житомирского государственного университета имени И. Франко, г. Житомир, e-mail: zutoleranz@rambler.ru.

Sukhachov Stanislav Akimovich, candidate of philosophical sciences, associate professor, department of philosophy, Zhitomir State University named after I. Franko, Zhitomir, e-mail: zutoleranz@rambler.ru.

УДК 141.2

© О.Б. Бальчиндоржиева

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Статья посвящена исследованию основных противоречий процесса модернизации. Автор также раскрывает содержание понятий «модерн», «модернизация». Отмечается слабость философских оснований главенствующих моделей модернизации, а также их ориентация на эмпиризм, позитивизм, эволюционную парадигму прошлого столетия.

Ключевые слова: современное общество, модерн, модернизация, рационализация, постмодерн.

O.B. Balchindorzhieva

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF A PROBLEM OF MODERNIZATION

The article is devoted to the study of fundamental contradictions of the modernization. The author also reveals the content of concepts modern, modernization. The weakness of philosophical bases of dominant modernization models is noted, as well as their empiricism, positivism, evolutionary paradigm of the past century.

Keywords: modern society, modern, modernization, rationalization, postmodern.

Что есть современное общество? На этот вопрос пытались ответить немало философов, ученых-обществоведов и т.д. В эпоху Просвещения акцент был перемещен на эмансипацию человека, рост его автономности и самоопределение. Благодаря изысканиям философов XVIII–XIX вв. были раскрыты экономические и поли-

тические ипостаси человека – производитель, собственник, гражданин и т.д.

Модерн как историческая эпоха характеризуется особым типом научного, рационального и философского мышления. Эпоха модерна формировала мировоззрение, характерными чертами которого были вера в науку, возможность

человека познать мир как некое единое целое; убежденность в существовании объективных законов природы и общества, и возможности их использования для преобразования мира. Еще одна очень важная особенность данного периода заключается в том, что дух рационализма проникает во все сферы общества (в политику, экономику, культуру). М. Вебер, для которого рационализация была центральным понятием, объявил, что переход от аграрного общества к индустриальному – суть рационализация двух уровней. Во-первых, рационализация производства и управления, в которой можно выделить три аспекта: 1) опора на собственные силы и труд; 2) точный экономический расчет; 3) использование науки в управлении процессом производства. Во-вторых, рационализация культуры как объективация общественных отношений, отражающейся в поведении, системе ценностей, социальной структуре общества, характеризующейся избавлением от веры в сверхъестественное и опорой на законы. Одновременно с этим Вебер обращает внимание на негативные стороны рационализации: технологическая рациональность становится силой, неподвластной более человеку, развивается согласно своей внутренней логике – независимо от желаний индивида и каких-либо социальных групп. В мире, где господствуют технократия и бюрократия, не остается места индивидуальной свободе и личным ценностям.

Рациональная рефлексия начинается с классической греческой философии, с момента, когда человечество впервые освободилось от оков мифологии. Греческая философия ознаменовала прорыв и начало новой эпохи, когда человечество «стремится жить, способно жить, свободно определяя свое существование и историю на основе рационального понимания» [4, с. 8]. В представлении Гуссерля, этот прорыв был «телосом, рожденным европейской культурой», который не был результатом мгновенного постижения, но созрел на протяжении многих веков. Соглашаясь с данным положением, мы трактуем модерн как исторический феномен, не связанный с точными хронологическими рамками.

Начиная со второй половины XX в., среди различных теорий общественного развития большую популярность получают макросоциологические теории модернизации. Они зарождались на фоне политического противостояния и гонки вооружений между супердержавами. После окончания Второй мировой войны много говорилось об универсальной экономической и

политической модели, о новом мировом порядке как залоге глобального мира и процветания.

Классические определения модернизации основаны на идее, согласно которой в результате распространения передовой техники и технологии, либеральной экономики, воспроизводства индустриальной социальной структуры и соответствующей социально-политической ориентации национальных элит развитие всего мира неизбежно пойдет по западному пути. Модернизация, зачастую рассматриваемая как синоним вестернизации, предполагала своей целью движение к существующим на конкретной территории и в конкретное время обществам. Так, Эйзенштадт дает следующее определение: «Исторически – модернизация это процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической системы, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX в. и затем распространились на другие страны и континенты» [2, с. 1].

В 70-80-е гг. XX в. разворачивается теоретическая критика классической концепции модернизации по целому ряду позиций, возникают новые направления в модернизационной парадигме, было пересмотрено значение модернизации, ее содержание.

По многим направлениям модернизации передовые позиции заняли страны Восточной Азии. Как справедливо отмечает В.В. Лапкин, «модернизация все чаще сталкивается с разного рода культурными препятствиями, которые разрушают универсальность исходного европейского модерна» [7]. Возникает современная концепция модернизации, признающая национальные модернизации, считающая различия в модернизации разных стран закономерными, отрицающая универсальный образец. Так, Э. Тириакян утверждает, не существует какого-то фиксированного «центра modernity», напротив, возможно появление новых и существование нескольких «эпицентров» модернизации [11, с. 243].

Поиск философских оснований проблемы модернизации предполагает ответ на вопрос: «Есть ли нечто общее во множестве процессов национальных модернизмов?».

Исходным пунктом нашего анализа является положение: модернизация является историческим процессом перехода от аграрного традиционного общества к современному индустриальному.

Так, американский ученый, известный специалист в области проблем развития С. Блэк считает, что человеческие взаимоотношения претерпели три революционных изменения: от

доисторического общества к человеческому, от первобытного к цивилизованному и от традиционного цивилизованного к современному. Третья трансформация и является процессом модернизации и сопутствующих изменений. При таком понимании модернизация есть не что иное, как содержание очередной социальной революции в процессе развития человеческой цивилизации. Подобный подход разделяет также китайский исследователь модернизации Хэ Чунаньци. Он приходит к выводу о том, что модернизация – это один из видов важнейших изменений человеческой цивилизации со времен промышленной революции XVIII в., включающий изменения в деятельности, поведении, процессе, содержании, структуре, системе и самой идее человеческой цивилизации [9, с. 46].

Модернизация предполагает системное обновление всего социума. Именно поэтому существует большое множество различных определений модернизации, раскрывающих различные ее аспекты. С. Блэк пишет, что «модернизация может быть определена как процесс, посредством которого исторически эволюционировавшие институты адаптируются к быстро меняющимся функциям, что отражает беспрецедентное расширение человеческих знаний, позволяющее осуществлять контроль над своим окружением, которое сопровождало научную революцию. Этот процесс адаптации имел свои корни и первоначальное влияние в обществах Западной Европы, но в XIX–XX вв. данные изменения распространились на другие общества и результативались в мировой трансформации, затронувшей все человеческие отношения» [10]. Отечественные авторы В.А. Красильщиков, Г.М. Зибров и А.В. Рябов дают следующее определение: «модернизация – социальная, культурная, экономическая, технологическая (а в некоторых случаях и политическая) революция, затрагивающая основы повседневной жизни людей и изменяющая образ их жизни, социальную ткань общества, хотя может быть растянута по времени и осуществляться путем общественных реформ» [6, с. 106].

Немецкий ученый В. Цапф рассматривает модернизацию в трехмерном плане: 1) как секулярный процесс, начатый индустриальной революцией, в ходе которой больших успехов в развитии достигла небольшая группа модернизированных обществ; 2) как многовариантный процесс, в ходе которого отстающие догоняют ушедших вперед; 3) как реакции модернизированных обществ на новые вызовы на пути инноваций и реформ [13, с. 14].

По удачному выражению Хабермаса, великого апологета модернизации, «модерн – незавершенный проект». Хабермас в своем труде «Теория коммуникативного действия» выделяет двухединую схему, описывающую модернизацию как процесс, происходящий одновременно в двух областях: инструментально-технической и коммуникативно-культурной рациональности. Процесс рационализации (понимаемый как продвижение рациональной рефлексии или рефлексивное обучение) Хабермас представляет как основной двигатель развития. Возведенное в нормативный принцип подобное рефлексивное обучение составляет для него отличительный признак модернистских стадий созревания человека, предполагающей независимое развитие науки, морали и искусства. Он говорит о восстановлении «публичной сферы» как арены практического участия в оппозиции против узурпации власти технократическими и управленческими элитами с целью разрешения конфликта и реинтеграции политики и морали. Цель критической теории – освобождение от идеологических уловок, от самообмана, а также от власти технократии и сциентизации политики.

В глазах многих критиков взгляды Хабермаса слишком тесно увязаны с прогрессирующим доминирующим влиянием в мире западной науки и технологии. Культура в построениях Хабермаса прилагается в качестве дополнения к эмпирической науке [5, с. 20]. Одновременно с универсалистской направленностью критическая теория Хабермаса отличается непреклонным модернизмом.

Анализируя главенствующие модели модернизации, отметим их основной недостаток – слабость философских оснований (или *premises*), ориентацию на эмпиризм и позитивизм, а также эволюционную парадигму прошлого столетия. Ядром модернизационной парадигмы было утверждение о распространении капиталистического пути развития. Капиталистическая модернизация, наряду с экономическим ростом, развитием демократии, ростом индустриализации, несла с собой серьезные проблемы, ведущие, в известном смысле, к разрыву духовной культуры, дегуманизации человеческих отношений. Происходит разрушение окружающей среды, наносится ущерб нравственному здоровью отдельного человека и общества в целом, появляются элементы дезинтеграции и отчуждения между людьми. В этой ситуации многие ученые пытаются искать новые ориентиры развития.

Многие известные российские исследователи обращают пристальное внимание на то, что мо-

дернизация – это догоняющее развитие, как бы движение по проложенной другими лыжне. На различие между политикой модернизации и политикой развития указывает М. Рац: «На каких-то этапах своей истории отставшая страна может не различать идеологии модернизации и развития, но по мере приближения к образцам современности, к передовым позициям такое различие становится жизненной необходимостью, поскольку политика модернизации обеспечивает существование только и исключительно на вторых ролях» [12].

На Западе также подвергают нападкам западный рационализм и универсализм как синонимы «логоцентризма» и как дымовую завесу евроцентристских конструкций глобального доминирования.

Гуссерль писал о конце европейской науки, в своей работе «Кризис европейской науки и трансцендентальная феноменология» он критикует современную науку за забвение трансцендентальных оснований интенциональности разума, интенциональности, которая сама в свою очередь основывается на эмпирической матрице жизненного мира. Критикуя современную науку, он не отрешивается от модернити как таковой, но выводит данное понятие на более глубокий уровень: называя ее стадией разворачивания рациональной рефлексии и моральной автономии. Последователи Франкфуртской школы продолжили линию Маркса и его критику западного общества, они ввели новое понятие – «инструментальный разум». Инструментальный разум отражает субъект-объектное отношение человека к природе и к самому человеку как природному существу. Покорение природы означает также и подчинение человека. Согласно Поллоку и Хоркхаймеру, нацизм с его тягой к тотальному господству над обществом является продуктом инструментального разума. Герберт Маркузе писал о том, что господство технологической рациональности поддерживается анонимной бюрократией. Основной заслугой Маркузе является заострение внимания на глубинной трансформации человеческой личности под воздействием процесса массового производства и потребления. Основным противоречием эпохи массового производства становится противоречие не между максимизацией прибыли и рационализацией производства, а между бесконечным производством и необходимостью сбыта. Потребительское общество формирует не автономного, ответственного индивида, а усредненного массового человека.

Жан-Франсуа Лиотар осудил все траектории модернизации как высокопарные метанарративы.

По его наблюдениям, модернити как процесс (т.е. модернизация) инвариантно представляет себя в терминах «больших нарративов, таких как диалектика духа, герменевтика смысла, освобождение рационального субъекта, создание материальных благ». Отказавшись от универсальных схем, постмодернити, по мнению Лиотара, настаивает на гетерогенном характере исторических эпизодов и культурных «языковых игр».

Теоретические акценты подобного рода широко распространены в современной литературе начиная с Дерриды, Делеза, Фуко. Деррида проводит критику логоцентризма, используя понятие инаковости. Исходным пунктом философствования для него становится понятие деконструкции. Западная философия, по Дерриды, заключена в жесткие рамки категориального аппарата традиционной метафизики, зависит от определенных методов познания. Деконструкция состоит в анализе глубинных основ языка с целью избавления от предписанных схем, расширения горизонта для свободного мышления.

Еще одним ключевым понятием для Дерриды была «децентрация». Она была направлена против глубоко укоренившегося в сознании европейцев принципа «центрации». Мышление европейца ориентировано на бинарные оппозиции («черное – белое», «материя – дух», «субъект – объект», «свобода – несвобода», «рациональное – иррациональное», «демократия – тоталитаризм» и т.д.), причем одна из противоположностей берется за основу и на ней делается ценностный акцент. Пронизывая все сферы человеческой деятельности, принцип «центрации» приводит к рациоцентризму, европоцентризму и т.д.

Фуко говорит о смерти человека, об исчезновении субъективности. Отказ от исторической телеологии был особенно заметен в «Археологии знания», в которой акцент смещается от исторической эволюции к эпистемологическим разрывам. По наблюдению Фуко, понятие разрыва играет важную роль в современном историческом исследовании. Политические выкладки антихололизма Фуко подчеркивают роль децентрализованных практик и локального сопротивления; политический анализ должен иметь дело не с общими системами, а с «властью на самых окраинах» в тех точках, где она становится капилляром, т.е. с региональными и местными формами и институтами.

Постмодернизм призывает отказаться от абстрактного, универсального, унифицированного и вместо этого постулирует идеи множественного, персонального, контекстуального, гетерогенного. Говоря словами европейских философов,

мы должны наконец перейти от идеи Универсума к идее Мультиверсума (Б. Латур).

В противовес универсальным категориям западного дискурса тренды постмодерна считают, что очень важно дать право голоса представителям третьего мира, дать им возможность противостоять глобальному господству Запада. Бывший президент Сенегала Л. Сенгор сказал: «Мы, африканцы, не хотим быть простыми потребителями цивилизации» [5, с. 22]. Во избежание подобного унижения этнические и другие национальные группы третьего мира должны иметь возможность артикулировать свои надежды и опасения на своем собственном языке, что означает валоризацию коренных культурных и языковых традиций и образа жизни.

Стоит отметить, что подобная валоризация может также привести к возникновению этнического местничества. По словам Рорти, «под воздействием тяжелых экономических условий доброкачественный этноцентризм может легко уступить место опасным формам шовинизма и этно-религиозной общности. Эта темная сторона постмодернизма делает ее уязвимой для критики со стороны модернизма» [5, с. 23].

Чтобы противостоять этой опасности и соблазну культурного нарциссизма, партикуляризм постмодерна должен толковаться предельно просто и открыто, поощряя различные типы взаимодействия как между этническими общностями, так и между традиционной культурой и современным Западом. Традиция и современность – больше не противоположности и не два полюса траектории исторического процесса, а два образа жизни, которые тесно переплелись друг с другом.

Как пишут в своей работе Н.А. Васильева и М.Л. Лагутина, «осознание переломного (или "осевого") – по терминологии К. Ясперса) времени начала ХХI в. дало толчок к пересмотру понятия "современность" (модерн), поскольку философия модернизма, во главу угла которой был поставлен "тотальный миф прогресса", обернулась социально-политической практикой утопизма (советский, маоистский режимы и пр.), а также идеалом безудержного потребительства (общество массового потребления). Прогрессирующие иллюзии эпохи модерна привели человечество к краю пропасти (ядерная война, экологическая катастрофа), которая означала угрозу полного уничтожения всей земной цивилизации. На этой волне появляется достаточно разнообразное по тематике и концептуальному наполнению философское течение постмодернизма, отвергающее идеологию и практику доминиро-

вания, насилия, войны в пользу ценностей плюрализма и равноправного диалога» [3, с. 65].

В.С. Мартыанов в своих работах подвергает критике постмодерн, являющийся, по его мнению, лишь «проклятой стороной» модерна. Так, например, он пишет: «Вместо качественного обновления и технической модернизации, предложенных обществу модерном, постмодерн связан лишь с количественной интенсификацией информационных потоков и общественных процессов, что можно трактовать как исчерпание или завершение научно-технической революции XIX–XX веков. Кроме того, дискурс постмодерна уже не содержит "социально-утопических проектов", идей построения "нового общества" и рождения "нового человека". Постмодерн предлагает отказаться от социальных проектов и радикальных изменений, ограничившись "нормальным демократическим обществом", которое уже существует на Западе. С позиций классического модерна это можно расценить только как тупик развития, консервативный реакционизм... Вместо научного "общества знания", каким оно замышлялось в логике модерна, "информационного общества" представило сегодня лишь его "проклятую сторону" – электронно-развлекательно-потребительский эрзац» [8, с. 197]. По его мнению, постмодерн является лишь обратной стороной модерна и лишь переворачивает дуализм бинарных кодов, которые присущи европейскому мышлению.

Основываясь на вышеизложенном, мы не должны осмысливать модерн и постмодерн в категориях бинарной оппозиции, не должны рассматривать традиционное, современное и постсовременное общество иерархически. Нельзя рассматривать традицию и модернити как однородный континуум, как последовательно сменяющие друг друга стадии. Необходимо признание того, что во внутреннем содержании и традиции и модернити имеются неоднородные элементы, что они могут сосуществовать, дополнять друг друга. Мы должны стремиться к осмыслению диалектического соотношения современности и традиции, универсального и контекстуального.

Под давлением угрозы самоуничтожения человечества осознается необходимость установления гармонии между человеком и окружающим миром (природным и социальным). Хотя существующих противоречий и конфликтов нельзя избежать, но через их взаимное согласование, приспособление и комбинирование их можно привести к эффективному совмещению и разумному сочетанию.

Литература

1. Black C. The dynamics of modernization. A study in comparative history. – N.Y.: Harper colophon books, 1975.
2. Eisenshtadt S. Modernization: protest and change. – Englewoodcliffs, 1966.
3. Васильева Н.А., Лагутина М.Л. К вопросу о предмете философии мировой политики // Полис. – 2012. – №2.
4. Гуссерль Э. Кризис европейской науки и трансцендентальная феноменология. – Иллинойс: Изд-во Северозападного ун-та, 1970.
5. Далмейр Ф. Модернизация и постмодернизация: теоретические комментарии на примере Индии. – Чикаго: Изд-во Института Кэллог, 1993.
6. Красильщиков В.А., Зибров Г.М., Рябов А.В. Шанс на обновление России (зарубежный опыт модернизации и российские перспективы). – Мир России, 1993. – Т.1.
7. Лапкин В.В. Размышления о соразмерности глобальности и модерна // Мегатренды мирового развития. – М., 2001.
8. Мартыанов В.С. Политический проект модерна. От мирэкономки к мирполитике. Стратегия России в глобализирующемся мире – М.: Росспэн, 2010.

9. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). – М.: Весь мир, 2011.

10. Побережников И.В. Модернизация: определение понятия, параметры и критерии [Электронный ресурс]. – URL: <http://mmj.ru/index.php?id=36&article=112>.

11. Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции [Электронный ресурс]. – URL: <http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/2769/1/pristr-04-10.pdf>.

12. Рац М. Модернизация как проблема // Полис [Электронный ресурс]. – URL: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/New_electr/Ratz_2009_Modernisaciya_kak_problema.pdf.

13. Цаф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс. – 1998. – №8.

Бальчиндоржиева Оюна Баировна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: baoyu2008@yandex.ru.

Balchindorzhieva Oyuna Bairovna, candidate of philosophical sciences, senior lecturer, department of philosophy, Burayt State University, Ulan-Ude, e-mail: baoyu2008@yandex.ru.

УДК 316.42

© М.М. Бурдуковская

К ВОПРОСУ О НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ СЕТЕВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье описываются позитивные возможности сетевых взаимодействий, которые открылись человечеству при появлении новых технологий. Раскрываются понятия «глобализация», «краудсорсинг», приводятся примеры успешных практик внедрения сетевых проектов, призванных решать глобальные проблемы.

Ключевые слова: глобализация, краудсорсинг, социальные взаимодействия.

М.М. Burdukovskaya

ON THE ISSUE OF NEW OPPORTUNITIES OF ONLINE INTERACTIONS IN THE MODERN WORLD

In the article positive opportunities of network interactions are described, they have become available to mankind with the development of new technologies. The concepts of «globalization», «crowd sourcing» are revealed, the examples of the successful practices of network projects approbation are submitted, they should solve global challenges.

Keywords: globalization, crowd sourcing, social interactions.

В относительно недавнем прошлом лучшие умы мира говорили об «обществе потребления», смерти культуры, деградации человечества в целом и других неминуемых опасностях глобализации, несущей с собой, в частности, глобальные проблемы, с которыми, несмотря на уровень развития технологий, мы уже не одно столетие не можем справиться. В их числе загрязнение окружающей среды, снижение биоразнообразия, проблема «север-юг» – разрыв в развитии между богатыми и бедными странами, нищета, голод и неграмотность, проблема сердечно-сосудистых, онкологических заболеваний и СПИДа.

Сегодня мы видим, что ведущие исследовательские центры, изучающие социум, выдвигают иные концепции: в современном глобализирующемся мире человек – созидатель, он уже не

хочет просто потреблять, он хочет участвовать в создании продуктов, правил, законов, он стремится управлять всей своей жизнью.

Исследование процессов глобализации позволяет выделить несколько принципиальных форм их проявления, изучение которых дает возможность лучше понять суть феномена [5, с. 22–24].

Во-первых, технический прогресс привел к изменению коммуникационных возможностей человека и общества в пространстве и времени. Медленно, в течение тысячелетий шел процесс коммуникационного сжатия мира. Этому способствовал целый ряд фундаментальных открытий и достижений: географическое освоение мира арабскими, китайскими и европейскими мореплавателями, создание Н. Коперником теории